

Глава I

в которой Филеас Фогг и Паспарту¹ обретают
друг друга в качестве хозяина и слуги

В 1872 году на Сэвилл-роу, в Берлингтон Гарденс, в том самом доме под номером 7, где пятьдесят восемь лет назад скончался Шеридан, проживал Филеас Фогг, эсквайр, большой оригинал, заметно выделявшийся среди членов лондонского Реформ-клуба, хотя сам он, казалось, вовсе не стремился привлекать внимание к своей персоне.

Следуя примеру одного из величайших ораторов, коими гордится Англия, сей Филеас Фогг был фигурой загадочной: никто ничего о нем не знал, кроме того, что он весьма галантный и едва ли не самый видный джентльмен в высшем британском обществе.

В нем усматривали сходство с Байроном, имея в виду лицо, поскольку ноги у него в полном порядке, но то был Байрон с усами, с бакенбардами и до того невозмутимый, что мог прожить, не старея, добрую тысячу лет.

Бесспорный англичанин Филеас Фогг, возможно, не был уроженцем Лондона. Его не встречали ни в банке, ни на бирже, он не появлялся ни в одной из контор Сити. В доках и гаванях Лондона никогда не приставало судно, принадлежавшее Филеасу Фоггу. Этот джентльмен не числился среди тузов городской администрации. Его имя ни разу не прозвучало в стенах коллегии адвокатов и в Темпле, в юридических коллегиях Линкольна или Грея о нем тоже слыхом не слыхали. Он никогда не вел тяжб ни в Канцлерском суде, ни в Церковном, ни в Суде королевской скамьи или в Шахматной палате. Не был ни промышленником, ни негоциантом, ни купцом, ни земледельцем. Не принадлежал ни к Британскому королевскому обществу, ни к Лондонскому институту, равно как к Институту Рассела, Институтам прикладного искусства, права, западных литератур, да и к Институту наук и искусств, процветающему под собственным милостивым покровительством Его Величества, не имел ни малейшего отношения. Наконец он не примыкал ни к одному из всевозможных обществ, а ведь британская столица ими кишмя кишит, начиная с «Общества ценителей гармонии» и кончая «Энтомологическим», основанным преимущественно с целью истребления вредных насекомых.

Филеас Фогг был членом Реформ-клуба, и только.

Тому, кто удивится, как столь загадочный джентльмен смог получить доступ в это почтенное сообщество, следует объяснить, что он попал туда по рекомендации господ братьев Бэринг, в банке которых ему предостав-

¹ От франц. «passe partout», буквально — проходящий всюду; здесь — пролаза, ловкий человек.

лялся открытый кредит. Отсюда особый «лоск» его деловой репутации, порожденный тем обстоятельством, что все его чеки неукоснительно погашались по первому предъявлению, а дебетовый остаток его счета неизменно свидетельствовал о несокрушимой кредитоспособности!

Выходит, этот Филеас Фогг был богат? Бесспорно! Но о том, каким образом он сколотил состояние, не имели понятия даже наиболее информированные из его сограждан, а обращаться с подобным вопросом к самому мистеру Фоггу стоило в последнюю очередь. Как бы то ни было, он отнюдь не слыл мотом, однако и скарденности не проявлял: если какому-либо благодородному, полезному или милосердному делу требовалась поддержка, он всегда оказывал ее. Молча, даже анонимно.

В общем, это был как нельзя более замкнутый джентльмен. Настолько немногословный, что говорить меньше просто невозможно. Крайняя молчаливость усугубляла впечатление окутывающей его тайны. Между тем жизнь Фогга протекала на виду, он всегда делал одно и то же, повторяя это изо дня в день с такой математической четкостью, что воображение стороннего наблюдателя, возмущаясь, принималось искать сокрытые от глаз объяснения происходящего.

Не доводилось ли ему прежде колесить по свету? Весьма вероятно, ведь никто лучше Фогга не разбирался в карте мира. Казалось, он располагает точными сведениями о любом, самом отдаленном уголке планеты. Порой он высказывал — вскользь, но ясно и лаконично, — множество предположений касательно судьбы погибших или заблудившихся путешественников, в клубе его замечания передавались из уст в уста. Он предвидел наиболее вероятные повороты событий, и зачастую казалось, что он наделен тайным зрением: со временем реальность всегда подтверждала его догадки. Этот человек, похоже, успел побывать всюду — по крайней мере, мысленно.

Однако же было совершенно очевидно, что Филеас Фогг уже много лет не покидал Лондона. Те, кто имел честь знать его немного ближе, чем все прочие, говорили, что ни одна душа не вправе утверждать, будто этот джентльмен хотя бы раз был замечен где-либо, кроме той прямой дороги, по которой он ежедневно проходил из дома в клуб и обратно. Свое время он посвящал исключительно чтению газет и висту. В этой молчаливой игре, так отвечающей его характеру, он часто выигрывал, но никогда не отправлял эти суммы в свой кошелек — они дополняли, притом существенно, его пожертвования на благотворительность.

Впрочем, надобно заметить, что мистер Фогг играл, по всей видимости, не затем, чтобы выиграть, а ради самой игры. Она была для него сражением, борьбой с трудностями, но эта борьба обходилась без движения, без перемены мест, без усталости, что соответствовало его характеру.

У Филеаса Фогга не наблюдалось ни жены, ни детей, как бывает порой и у самых приличных людей, а также ни друзей, ни родни, что, сказать по правде, случай более редкий. В своем доме на Сэвилл-роу он жил один, и никто не переступал его порога. О том, что творилось внутри его души или

жилища, речь никогда не заходила. Филеас Фогг имел только одного слугу, однако этого ему хватало.

Завтракал и обедал он в клубе в раз и навсегда определенные часы, в одном и том же зале, за одним и тем же столом, не затевая бесед с завсегдатаями, не приглашая никого из посторонних. Домой возвращался ровно в полночь исключительно затем, чтобы лечь спать, и никогда не пользовался комфортабельными покоем, находящимися в распоряжении членов Реформ-клуба. Из двадцати четырех часов он проводил у себя дома лишь те десять, что требовались ему для сна и забот о своем туалете. Если он прогуливался, то не иначе как обходя мерным шагом просторный вестибюль с мозаичным деревянным полом или галерею, что опоясывала залу, которую украшал голубой стеклянный купол, поддерживаемый двумя десятками ионических колонн из красного порфира. Когда он обедал или завтракал, именно клуб обеспечивал ему искусство своих поваров, подкрепляемое богатством кладовой и буфетной. К его столу подавали сочную рыбу и молоко из клубных запасов, его обслуживали лакеи клуба, солидные персоны в черных одеяниях и башмаках с подбитыми войлоком подошвами; они подавали яства в посуде из редкого фарфора, расставляя ее на великолепных саксонских скатертях. Шерри, портвейн и кларет с примесью корицы, папоротника и кинамона наливали ему в хрустальные бокалы, изготовленные по ныне утраченному клубному образцу, и наконец, для поддержания этих напитков в достаточно свежем состоянии подавали лед, за бешеные деньги привозимый с американских озер.

Если быть эксцентричным — значит жить в таких условиях, то надо признать, что в эксцентричности есть свои преимущества!

Дом на Сэвилл-роу, не будучи роскошным, отличался отменным комфортом. Впрочем, задача его поддержания упрощалась благодаря исключительной однотипности привычек хозяина. Тем не менее Филеас Фогг требовал от своего единственного слуги четкости и пунктуальности поистине экстраординарных. В тот день, 2 октября, он уволил некоего Джеймса Форстера, поскольку малый провинился: принес ему для бритья воду, подогретую до восьмидесяти четырех градусов по Фаренгейту вместо положенных восьмидесяти шести. Теперь он ждал его преемника, который должен был явиться между одиннадцатью и половиной двенадцатого.

Филеас Фогг плотно уселся в кресло, сдвинул ноги, будто солдат на параде, уперся ладонями в колени, выпрямился, вскинул голову и устремил взор на стрелку настенных часов — сложного устройства, показывающего день недели, число и год, а не только часы, минуты, секунды. Как только прозвонит половина двенадцатого, мистер Фогг должен, согласно своей ежедневной привычке, выйти из дому и направиться в Реформ-клуб.

Тут раздался стук в дверь малой гостиной, где расположился Филеас Фогг. На пороге показался уволенный Джеймс Форстер.

— Новый слуга, — объявил он.

Вошел малый лет тридцати, поздоровался.

— Вы француз и зовут вас Джон? — осведомился Филеас Фогг.

— Жан, если мсье не против, — уточнил вновь прибывший, — Жан Паспарту. Это прозвище ко мне прилипло, оно говорит о моей природной способности выходить сухим из воды. Я честный человек, мсье, но, сказать по правде, занятий поменял много. Был странствующим певцом, наездником в цирке — трюки выделывал не хуже Леотара, танцевал на проволоке, как Блонден. Потом, чтобы с пользой применить свои таланты, стал учителем гимнастики, а под конец еще поработал в Париже пожарным. У меня на счету даже найдется несколько выдающихся пожаров. Но вот уже пять лет, как я покинул Францию, чтобы испытать вкус к жизни в домашнем кругу, и нанялся в Англии лакеем. А теперь, лишившись места и услышав, что мистер Филеас Фогг — самый аккуратный и положительный джентльмен во всем Соединенном королевстве — ищет слугу, решил предложить мсье свои услуги в надежде пожить у него так спокойно, чтобы даже от прозвища Паспарту избавиться...

— Против Паспарту я не возражаю, — ответил джентльмен. — Мне вас рекомендовали. Я получил о вас хорошие отзывы. Мои условия вам известны?

— Да, мсье.

— Хорошо. Сколько на ваших часах?

— Одиннадцать двадцать две, — сообщил Паспарту, вытащив из глубин жилетного кармана огромные серебряные часы.

— Они у вас отстают, — сказал мистер Фогг.

— Прошу прощения, мсье, но это невозможно.

— Отстают на четыре минуты. Неважно. Достаточно учесть запаздывание. Итак, начиная с этого момента, то есть с одиннадцати часов двадцати девяти минут сегодняшнего дня, среды 2 октября 1872 года, вы у меня на службе.

Сказав так, Филеас Фогг встал, взял в левую руку свою шляпу, привычным, доведенным до автоматизма движением водрузил ее на голову и удалился, не прибавив ни слова.

Паспарту слышал, как дверь подъезда захлопнулась в первый раз — это вышел на улицу его новый господин. Затем послышался второй хлопок — Джеймс Форстер, его предшественник, в свой черед отправился восвояси.

В доме на Сэвилл-роу Жан Паспарту остался один.

Глава II

в которой Паспарту убеждается, что, наконец, нашел свой идеал

«Черт возьми, — сказал себе Паспарту, поначалу малость огорошенный, — таких живчиков, как мой новый хозяин, я встречал только у мадам Тюссо!»

Здесь следует пояснить, что «живчики» мадам Тюссо — восковые фигуры, на которые лондонцы валом валили поглазеть, выглядят и впрямь весьма натурально, им не хватает только дара речи.

За краткие мгновения своей только что состоявшейся встречи с Филеасом Фоггом Паспарту успел быстро, но тщательно рассмотреть своего нового

господина. Это был мужчина, по-видимому, лет сорока, с красивым, благородным лицом, скорее бледным, чем румяным, с великолепными зубами, высокого роста, без малейшего намека на полноту, со светлыми волосами и бакенбардами, с гладким лбом, не тронутым даже легчайшими морщинками на висках. Казалось, ему в высшей степени присуще то качество, общее для всех, кто более склонен делать дело, чем поднимать шум, которое физиономисты называют «спокойствием в действии». Невозмутим, флегматичен, веки неподвижны — законченный тип хладнокровного британца, чью несколько напыщенную манеру так метко воспроизводит волшебная кисть Анжелики Кауфман. Рассматривая сего джентльмена в различных ситуациях бытия, следовало предположить, что он ни при каких обстоятельствах не утратит уравновешенности, безукоризненной, словно хронометр «Леруа» или «Эрншоу»: Филеас Фогг и в самом деле являл собой воплощенную точность, о чем явственно свидетельствовало «выражение его стоп и кистей рук», ибо конечности человека, как и у животных, выдают все движения страстей.

Филеас Фогг был из тех математически точных натур, которые никогда не спешат, но всегда успевают, однако воздерживаются от лишних движений и необязательных поступков. Такой без необходимости шагу не ступит, но выберет кратчайший путь к цели. Он не станет попусту пялиться на потолок, вообще не позволит себе ни единого лишнего жеста. Никто не увидит его возбужденным либо растерянным. Это самый неторопливый, но и самый точный человек на свете. Как бы то ни было, можно понять, почему он жил один и, так сказать, вне всех общественных связей. Мистер Фогг знал, что в жизни надобно пообтереться, но поскольку это процесс затяжной, неопределенный, он так и не притерся ни к кому.

Что до Жана, прозванного Паспарту, он был парижанином до мозга костей, вот уже пять лет жил в Англии, освоил ремесло лакея, но тщетно искал хозяина, к которому мог бы привязаться.

Паспарту не стоит уподоблять всем этим остроглазым и самоуверенным Фронтенам да Маскарилям, которые пожимают плечами, держат нос по ветру, а по сути являются не чем иным, как бесстыжими прохвостами. Нет, Паспарту, славный парень с приветливой, немного губастой физиономией, казалось, был всегда готов кого-то поцеловать или что-нибудь перекусить. Мягкосердечный, услужливый мальчик, он имел круглую добрую голову — такую, какую каждый рад бы увидеть на плечах у друга. У него были синие глаза, подвижная мимика, такие толстые щеки, что он сам мог видеть их. Его отличали могучее телосложение, широкая грудь, крепкая мускулатура (наделенный геркулесовой силой, он смолоду еще и великолепно развил ее регулярными упражнениями). Шевелюра у него была довольно непослушная. Не в пример античным скульпторам, знавшим восемнадцать способов укладки волос Минервы, Паспарту владел одним методом укрощения своих: три взмаха расчески — и порядок.

Элементарная предусмотрительность не позволяет догадаться, как этот экспансивный парень приспособится к запросам Филеаса Фогга. Станет ли Паспарту тем безупречно аккуратным слугой, какой требуется его хозяину?